

**ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II.
ОПУСТЕВШИЙ ТРОН
(часть 1)**

1917 год - роковой рубеж в истории России, год начала коренной ломки традиционных форм жизни народа и страны. Исходным пунктом распада исторической связи времен стало отречение императора Николая II от престола 2 марта 1917 года.

Вместе с Романовыми уходила в небытие длившаяся столетия историческая эпоха тронов и корон, на смену которой пришли времена громогласно декларированного "народопрравства". Понадобились десятилетия невероятных жертв и лишений, невиданного насилия и тотального закабаления личности, чтобы осознать, что намеченная вожделенная цель многих великих мечтателей так и осталась мечтой. В реальности же были загубленные жизни и судьбы миллионов людей, деформированная нравственность, разрушенная культура, оболганная история.

Объектом беззастенчивых конъюнктурных манипуляций стало прошлое нашей страны, которое "свободно интерпретировалось" в соответствии с примитивными идеологическими схемами. Историю излагали не на основе принципов объективности, а в русле господствующих представлений о том, как должно было быть. Особенно негативную реакцию всегда вызывал последний царь Николай II, имя которого упоминалось исключительно с массой уничижительных эпитетов, а описание любых, связанных с ним исторических эпизодов, позволяло авторам поупражняться в язвительном острословии.

И до сих пор российский самодержец, в судьбе которого сфокусировались многие роковые коллизии отечественной истории конца XIX - начала XX веков, не стал полноправным персонажем грандиозной трагедии, пережитой нашей страной. Его политическую роль, поведение, поступки, в контексте общественных потрясений, объясняли и

характеризовали много и часто. Однако жизнь и судьба этого человека и государственного деятеля сами по себе по существу не стали предметами специального рассмотрения.

* * *

Через несколько часов после отречения от власти, Николай Александрович Романов, превратившись из Николая II в "бывшего императора", записал в дневнике: "кругом измена, и трусость и обман". По справедливому замечанию русского мыслителя и провидца Н.А.Бердяева, "Монархия в России пала сама, ее никто не защищал, она не имела сторонников".

Как случилось, что правивший более двадцати лет самодержец, на верность которому присягало бесчисленное множество военных и гражданских чинов всех рангов, оказался брошенным на произвол судьбы и практически в полном одиночестве? Где причины того, что мощная монархическая система сошла на нет, что называется, в одночасье, и в огромной, существовавшей века империи ни у кого не нашлось ни желания, ни воли встать на защиту, как длительное время казалось, освященных историей и Божественным проведением исконных и святых идеалов монархизма?

Любые простые ответы на подобные вопросы не могут быть убедительными и для объяснения феномена Февраля 1917 года необходимо принимать в расчет массу самых различных факторов, явлений и процессов, в том числе и особенности личности последнего царя.

Николай Александрович Романов вступил на престол после смерти своего отца, Александра III, 20 октября 1894 года и на протяжении последующих 268 месяцев был олицетворением высшей власти в государстве, неся политическую и моральную ответственность за многое из того, что творилось в крупнейшей мировой империи, протянувшейся от берегов реки Вислы на Западе до Алеутских островов на Востоке.

На этих необозримых просторах происходили в конце XIX - начале XX века огромные изменения. Россия быстро превращалась в мощное индустриальное государство. Росли города, возникали во множестве заводы и фабрики, строились железные дороги, открывались школы, училища, университеты. Тем не менее, Российская империя уступала ряду западных стран по уровню и качеству жизни основной массы населения, хотя этот разрыв постоянно сокращался.

Новое в стране соседствовало и во многих случаях причудливо переплеталось со старым, которое с большим трудом сдавало свои позиции. Амбиции, традиции, привычки и привилегии одних, вызывали недовольствие и возмущение других. Российская империя и к началу XX века во многом продолжала сохранять черты огромной дворянской вотчины, где представители "благородного сословия", и особенно его высшей аристократической части, находились, по сравнению со всеми остальными подданными, в преимущественном положении, охраняемом и защищаемом всей силой государственной системы.

Человеком этой среды, впитавшим в себя многие обычаи и предрассудки ее, и был император Николай II, принявший монарший скипетр в двадцатилетнем возрасте. Судьбы венценосца он не искал. Жребий пал на него по праву рождения, как на старшего сына императора Александра III (его отец стал монархом, когда Николаю Александровичу было почти тринадцать лет).

За весь довольно продолжительный период правления Николая II лишь несколько первых лет можно назвать относительно спокойными, хотя и в это время происходили трагически-зловещие события, например, "Ходынская катастрофа", когда в результате образовавшейся давки на коронационных торжествах в Москве в 1896 году погибли сотни людей.

Большая же часть царствования - постоянные потрясения, бесконечные смуты, войны. По различным причинам, недовольство охватывало все новые и новые круги общества, и в конце империи к числу недовольных относилось едва не все политически сознательное население

страны. Убеждение в том, что Россией управляют "не так", стало всеобщим, а утверждения, что "хуже быть не может" и "так жить больше нельзя", сделались расхожими. Многие боялись и не хотели революции, помня трагические кровавые уроки 1905 года, но перемен желали если не все, то очень и очень многие.

Начавшаяся в 1914 году первая мировая война вызвала кратковременный патриотический подъем. Однако по мере усложнения дел на фронте и исчезновения надежд на ее победоносное и скорое завершение, общественные настроения менялись, окрашиваясь в мрачные тона. На высшее руководство страны, и в первую очередь на императора и его ближайшее окружение, стали возлагать ответственность за неблагоприятное течение дел. Пиетет и уважение к царской особе, в значительной степени под влиянием легальной и полулегальной антиромановской агитации, исходящей из оппозиционной среды, постепенно в общественном сознании заменялись критической оценкой. Категорические выводы, как правило, строились на распространенных стереотипах восприятия действительности современниками событий, которые лично Николая II или не знали совсем, или знали весьма поверхностно.

После падения монархии о судьбе Николая II, за исключением буквально нескольких лиц, никто не жалел. В кругах так называемого "образованного общества" очень долго, на протяжении нескольких поколений, накапливалось скептическое отношение к самодержавной системе, и когда эта, по распространенному убеждению, деспотическая и антинародная власть рухнула, то искренний восторг охватил различные слои общества. Даже некоторые члены династии Романовых приветствовали Февральскую революцию.

Понадобилось время, чтобы эйфория стала исчезать, и началось осознание той горькой истины, что на смену "проклятому прошлому" не пришло и в обозримом будущем не придет "лучезарная действительность".

Только лево социалистические деятели правильно уловили настроения в стране, сумели возглавить и, как теперь сказали бы, канализировать

общественное движение в необходимом для них направлении и завладели властью прочно и надолго.

Участь всех остальных была незавидной. Голод, холод, другие лишения; досрочная естественная и насильственная смерть.

Многим удалось различными путями эмигрировать. Осев на дальних и ближних от России "чужих берегах", бывшие сановники, офицеры, адвокаты, журналисты "со стойкой либеральной репутацией", обнищавшие "финансовые гении", носители громких аристократических фамилий и, конечно же, многочисленные борцы за "Великую Россию" из числа обанкротившихся политических и общественных деятелей всех мастей, в течение нескольких десятилетий яростно доказывали себе и другим, что вот он "господин Иванов" и его политическая партия или группа, делали все правильно, и если бы им не мешали, то катастрофы не случилось бы.

В бесчисленном множестве подобных мемуарных реминисценций последний царь и курс назначавшегося им кабинета министров - всегда в центре внимания.

Тезис о том, что у кормила власти стояли "не те люди", делавшие "не ту политику", был довольно быстро канонизирован и в этом пункте по сути дела не было и нет разногласий у авторов сочинений, стоящих на диаметрально противоположных мировоззренческих позициях.

В конце XIX - начале XX веков Россия походила на огромный корабль, плывущий не по воле стоявшей у штурвала команды, а в соответствии со случайными непредсказуемыми течениями, определявшими и менявшими курс. Был потерян ориентир в будущем, исторические цели и в результате - мощная иерархическая государственная машина работала часто на холостом ходу. Уже к концу 19 века отчетливо проступили признаки того, что принято называть кризисом власти. Особенности же личности монарха могли усугубить или смягчить подобное положение, но не инициализировали его.

Этот принципиальный момент необходимо учитывать при анализе той, достаточно тупиковой общественно-политической ситуации, в которой была так называемая "историческая власть", когда Николай Романов надел на

себя корону. Самодержавие было ее цементирующим началом и его ослабление или отбрасывание неизбежно вело к ослаблению и даже к распаду многоликой империи, волею исторических обстоятельств соединившей часто не соединяемое; где колониальные окраины и метрополия развивались в рамках единой территории, где новейшие достижения цивилизации и культуры были "вписаны" в невежество и отсталость, где роскошь и изысканность чередовались с нищетой и дикостью, а величие духа соседствовало с корыстью и низостью.

Воспитанный в духе безусловного уважения к прошлому России и тех государственно-идеологических принципов, на которых она зиждилась, Николай Александрович с юных лет был убежден, что императорская власть есть благо для страны, а историческое предназначение монарха состоит в том, чтобы, опираясь на свою волю и чувство, править в согласии с волей Божьей для благополучия своих подданных. В одном из писем П.А.Столыпину в 1907 г. царь заметил: "Я имею всегда одну цель перед собой: благо Родины; перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей".

Самодержавие и Россия, по его мнению, были вещи неразрывные. В опросном листе первой (и последней) дореволюционной общеимперской переписки населения 1897 года, на вопрос о роде занятий царь написал: "Хозяин земли русской". Этому важнейшему мировоззренческому принципу, глубоко укоренившемуся в душе с ранних лет, он поклонялся всю жизнь, и никакие политические бури и потрясения не могли поколебать эту уверенность. Вскоре после воцарения Николай II заявил: "Да поможет мне Господь служить горячо любимой Родине так же, как служил ей мой покойный отец и вести ее по указанному им светлomu и лучезарному пути".

Его политическое кредо целиком соответствовало кодексу традиционного монархизма, один из ревностных охранителей которого князь В.М.Мещерский, в 1914 году написал: "Как в себе не зажигаю конституционализма, ему в России мешает сама Россия, ибо с первым днем

конституции начнется конец единодержавия, а конец самодержавия есть конец России".

Однако у убежденных сторонников неограниченной ("исконной") монархии в России не было никаких новых идей, реализация которых могла бы осовременить государственный организм. Сформулированный еще в первой половине XIX в. теоретический постулат: самодержавие, православие, народность, служил лишь для декоративного украшения фасада исторической власти и, в силу своей отвлеченности и неопределенности, не мог быть реализован на практике.

Николай II был фактически заложником унаследованных им принципов и структуры власти, отход от которых он воспринимал как предательство интересов России, как надругательство над священными основами, завещанными предками. Ему были чужды амбиции правителя, и властолюбием он никогда не отличался. Однако ему не было и не могло быть безразлично будущее страны. За судьбу империи он нес ответственность перед Богом и перед любимым больше всего на свете сыном Алексеем.

С большим интересом и вниманием Николай Александрович с ранних лет изучал жизнь и дела великих полководцев и правителей прошлого; в истории же России наиболее почитаемыми царями были Алексей Михайлович и отец - Александр III. И тот, и другой ощутили на себе бремя власти, и к ним в полной мере можно отнести известное царское восклицание из пушкинского "Бориса Годунова": "Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!". Власть - это тяжелая обязанность, это долг, которому необходимо следовать вопреки желаниям и настроениям. Так император видел себя и свое место в этом мире.

Первые годы после воцарения большое влияние при дворе продолжали сохранять те же лица, которые играли важные роли при правлении отца, царя - миротворца Александра III. Это такие известные деятели консервативного лагеря, сторонники неограниченной монархии, как возглавлявший с 1880 года Ведомство Священного Синода его обер-прокурор К.П.Победоносцев; издатель первого журнала "Гражданин",

неустанный критик всех истинных и мнимых либеральных поползновений государственной власти князь В.П. Мещерский (внук историка М.Н.Карамзина); представитель родовитейшего российского барства, министр императорского двора граф И.И.Воронцов-Дашков и некоторые другие.

В состоявшем почти исключительно из сановно-аристократических персон чванливом "петербургском свете" сначала были убеждены, что царь молод и неопытен, в силу чего ему нужен умный и вполне благонадежный наставник в государственных делах, естественно, из числа тех, кто по праву своего рождения или служебного положения принадлежал к высшему обществу.

В богатых столичных гостиных внимательно следили и заинтересованно обсуждали каждый шаг нового правителя, каждый реальный или намечавшийся "извив" политики. Позднее в этих же кругах возобладало мнение: император "слишком слаб", чтобы железной рукой навести порядок в стране, покончить с беспрестанной "революционной смутой", а в своей деятельности он руководствуется советами "не тех людей".

С позиций исторического знания очевидно, что шанс на спасение российской монархии давало осуществление реформ экономических и социальных институтов и структур, предложенных председателем Совета министров П.А.Столыпиным. Обращаясь к царю, этот преданный делу монархии, широко мыслящий человек писал летом 1906 года: "Жизнь моя принадлежит Вам, Государь; все помыслы, стремления мои - благо России; молитва только Всевышнему - даровать мне высшее счастье: помочь Вашему Величеству вывести нашу несчастную Родину на путь законности и порядка".

Однако курс перемен, предложенный сильным премьером с полного одобрения императора, встретили улюлюканьем и резкими нападками в первую очередь те, на чье спасение он был рассчитан, - остатки спесивого российского барства. Двигаться же вперед ничего не меняя уже было нельзя. Это осознавали практически все. Полумеры и паллиативные

решения, которыми так богата история последнего царствования, служили отражением попыток изыскать компромисс между привычным существованием и прагматизмом.

Либеральная фронда, популярные и словоохотливые ее лидеры, шумная и влиятельная пресса - хотели видеть в России либерально-монархический строй, наподобие Англии, где монарх царствует, а делами управления занимаются облеченные доверием народа известные и честные деятели. Однако английская политическая система вызревала и формировалась столетия, в то время как России судьба такого срока не отпустила, и двигалась она во времени другими путями. Зачатки, так называемого, гражданского общества здесь стали проявляться только в XIX веке, в то время как во многих европейских странах и в США существовали уже развитые парламентские системы. Надо было быть невероятно увлеченными людьми, заменить реальную действительность книжными представлениями о ней, чтобы надеяться, скажем, на то, что всеобщее избирательное право может привести к созданию демократических институтов европейского типа.

Как показано дальнейшее, политические воззрения большинства народных радетелей и спасателей России всех оттенков оказались в итоге несостоятельными. Уже через несколько недель после падения монархии, управляющий делами Временного правительства, видный деятель кадетской партии В.Д. Набоков сетовал на то, что от революции они "совсем не то ожидали".

Подобные прозрения стали постепенно чуть ли не обязательными для холеных "революционеров в белых манишках", у которых сколько-нибудь широкой базы в стране не было. Это показали достаточно свободные выборы в конце 1917 года в Учредительное собрание, где все партии "европейцев и джентльменов" вместе не набрали и 10% голосов.

Историю российского либерализма можно назвать трагикомедией: деятельно участвуя в "раскачивании лодки", либералы пошли на дно вместе с теми, кто был у руля. По замечанию Н.А.Бердяева, самый большой "парадокс

в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи, идеи и права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием".

Николай II сам, стиль его правления и общения не соответствовали многим распространенным в народе представлениям о верховном правителе. Да и во внешности его было мало имперского величия, способного вызвать раболепный трепет. Царь слушал всех всегда довольно внимательно, очень редко кому возражал. За всю свою жизнь государственного деятеля он не позволил себе ни разу сорваться, никогда не повышал голос на собеседника, хотя часто общался, преодолевая себя.

Воспитанную в детстве выдержанность и природную незлобивость последнего царя многие окружавшие его люди, сформировавшиеся в душной атмосфере чиновничества и сословно-иерархического хамства, воспринимали как безволие и слабохарактерность.

Были и такие, кто придерживался иного мнения. В 1911 году попавший в немилость известный сановник С.Ю.Витте заметил, что "отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император".

Последний монарх был аккуратным, даже педантичным человеком и свои обязанности выполнял тщательно и с большой пунктуальностью. Даже в самые тяжелые минуты он не позволял себе расслабиться и жил в соответствии с установленными для правителя распорядком дня, очень редко его меняя. Личное недомогание, серьезная болезнь члена семьи, какие-то другие неприятности лишь в исключительных случаях могли заставить

императора отменить прием министра, отложить ознакомление с очередными деловыми бумагами или отказать в назначенной аудиенции.

С детских лет и буквально до последних дней своей жизни он систематически вел дневник, и сохранились десятки тетрадей, содержащих лапидарные поденные записи. Николай Александрович считал, что ведение дневника приучает к аккуратности и учит кратко излагать свои мысли. В его семье дневники вели все: жена, четверо дочерей и даже маленький Алексей. Царь не преследовал цель оставить потомкам свидетельство величия своих мыслей и поступков. Он писал потому, что "так надо", и эти тетради не предназначались для посторонних: это личный, глубоко камерный документ.

На протяжении десятилетий стиль изложения и набор описываемых объектов почти не менялся: самочувствие, погода, приемы, встречи с родственниками, прогулки, семейное время препровождение. О своем "царевом деле" упоминаний очень мало, что не было случайным, а являлось следствием непреложного правила: каждому занятию свое время.

Он не любил и не одобрял разговоры на темы государственного управления вне времени официальных занятий и не с людьми, облеченными соответствующими должностными функциями и компетенцией. И если, скажем, на представительной семейной трапезе у своей матери в Аничковом дворце в окружении большого числа родственников, кто-то позволял сделать замечание о каком-нибудь министре или другом должностном лице, или дать оценку тому или иному аспекту государственной политики, то монарх такие разговоры никогда не поддерживал, а свое неодобрение начинал проявлять подчеркнутым безразличием к нарушителю этикета. Исключение не делалось даже для самых близких из Романовых.

Об этом свойстве императора царедворцы и родственники были прекрасно осведомлены, и если пытались добиться от царя каких-то реакций и решений, то старались встречаться с глазу на глаз.

Дневниковые записи больше говорят о личности самого правителя, чем о времени или о государственной политике. Иногда на его страницах можно

встретить необычный всплеск эмоций. Отметим октябрь 1905 года: революционная волна набирает силу, достигнув уже уровня "десятого вала", судьба монархии висит на волоске.

Царь под воздействием событий и своего ближайшего окружения соглашается пойти на уступки революции и подписывает манифест о "даровании народу незыблемых основ гражданской свободы", что было крупным шагом на пути превращения России в конституционную монархию. Этот "росчерк пера" дался царю очень тяжело. Пришлось превозмочь себя, переступить через принципы и согласиться на то, что всегда считал неприемлемым для страны.

Выдержка и хладнокровие в этом случае с трудом выдерживали напор событий. Вот страница, относящаяся к 17 октября 1905 года: "Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелою и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию!".

Однако уже на следующий день настроение стало близким к обычному, и записи приобретают традиционный характер: "Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито. Утро было солнечное и радостное - хорошее предзнаменование. Принимал все время до завтрака. Гуляли вдвоем. Читал весь вечер. Получил много телеграмм. Стана (великая княгиня Анастасия Николаевна. - А.Б.) обедала у нас".

Во многих своих проявлениях авторитарная самодержавная система замыкалась на высшей власти: всякое сколько-нибудь значительное решение почти на любом уровне требовало ее одобрения. От различных должностных лиц, общественных и частных организаций и от отдельных подданных на имя царя шел огромный поток докладов, памятных записок, прошений, ходатайств и другой корреспонденции по самым различным вопросам. Вся эта лавина оседала в Императорской канцелярии и различных управлениях дворцового ведомства. Определенная часть попадала к Николаю II.

Все, что к нему поступало, он читал очень внимательно, и это занятие практически ежедневно отнимало у него несколько часов. Удивительное

усердие в ознакомлении с деловыми бумагами просто поражает, особенно если учесть, что эти занятия никогда ему радости не доставляли.

Почти каждый день бывали министры, крупные военные чины, родственники, занимавшие различные должности в госаппарате, русские и иностранные послы и многие другие. И каждый нес "свой вопрос", ставил какую-то проблему, которую надо было решать и очень часто незамедлительно. Если за этим приходили крупные, широко мыслящие и деятельные сановники (С.Ю.Витте, П.А.Столыпин, А.В.Кривошеин и некоторые другие), то принятие решений упрощалось, так как такие деятели почти всегда знали, что и как надо было делать. Им требовалась лишь санкция. Однако в иных ситуациях именно императору приходилось формулировать решения в широком диапазоне проблем: от поиска места под строительство царскосельской оранжереи до формы и времени объявления войны.

По своим деловым способностям и интеллектуальному развитию император вполне соответствовал для предназначенной ему исторической роли. Хорошо знавшие его люди из близкого окружения неоднократно отмечали его незаурядные способности. Многолетний министр финансов, а затем премьер-министр С.Ю. Витте, человек в высшей степени амбициозный и самолюбивый, имевший достаточно оснований для недовольства Николаем II, признавал, что император "несомненно очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще все быстро схватывает и быстро понимает".

Очень многое в жизни императора Николая II объясняет его вера в Бога, простая и глубокая. Это по сути дела своеобразный ключ к пониманию его душевных состояний и поступков. Мир верующему человеку представляется иным, чем приверженному атеистическому мировоззрению. Здесь своя шкала ценностей и особое мироощущение, основанное на глубоком чувстве, не поддающемся простому рациональному объяснению. Бог олицетворял для Николая Александровича Высшую Правду, знание которой только и делает жизнь истинной, в чем он уверился еще в юности. В

1894 году, еще цесаревичем, писал матери: "Во всем волен Бог один, он делает все для нашего блага и нужно с молитвой покориться Его святой воле! Это верно, но иногда чрезвычайно тяжело!".

Тему веры последний император часто затрагивал в письмах, но только самым близким людям. Вот, например, характерное в этом смысле утверждение, из его послания матери датируемого летом 1898 года: "Я с покорностью и уверенностью смотрю в будущее, известное только Господу Богу. Он всегда все устраивает для нашего блага, хотя иногда Его испытания и кажутся нам тяжелыми; поэтому надо с верою повторять: "Да будет воля Твоя".

Вера наполняла жизнь царя глубоким содержанием, помогала переживать многочисленные невзгоды, а все житейское часто приобретало для него характер малозначительных эпизодов, не задевших глубоко душу. Она освобождала от внешнего гнета, от рабства земных обстоятельств.

Русский философ Г.П.Федоров очень метко назвал Николая II "православным романтиком". По словам хорошо знавшего царя протопресвитера (священника) армии Г.И.Щавельского, "Государь принадлежал к числу тех счастливых натур, которые веруют, не мудрствуя и неувлекаясь, без экзальтации, как и без сомнения. Религия дала ему то, что он более всего искал - успокоение. И он дорожил этим и пользовался религией как чудодейственным бальзамом, который подкрепляет душу в трудные минуты и всегда будит в ней светлые надежды".

Спокойное отношение к окружающей действительности не означало, что император был безразличен к судьбе России. Государь всегда чувствовал и был в этом уверен, что любые резкие изменения в течении общественной жизни, чреватые непредсказуемыми последствиями, способными оказаться губительными для страны. Все годы своего правления он стремился к тому, чтобы нововведения утверждались постепенно, при непременном соблюдении и учете государственных традиций и прошлого опыта.

Последнего самодержца нельзя, в отличие, скажем, от К.П.Победоносцева, назвать "апостолом застоя", но он, конечно же, не был

инспиратором реформаторских устремлений в правящих кругах. Когда же убеждался, что та или иная мера необходима, то мог спокойно уступить и поддержать то, что еще совсем недавно считал неприемлемым. При этом оставаясь в тени, монарх служил опорой деятелям и течениям, выступавшим на авансцене политики.

Так было, например, с проводившимися в 90-е годы экономическими преобразованиями, связанными с именем министра финансов С.Ю.Витте. Эта, рассчитанная на перспективу политика индустриальной модернизации народного хозяйства, была весьма враждебно встречена в различных кругах общества, а министр-реформатор превратился в объект ожесточенных нападок. И, несмотря на это, избранный курс не был изменен исключительно благодаря царскому покровительству, хотя все последующие лавры преобразователя достались целиком С.Ю.Витте.

То же самое произошло и позднее, когда П.А.Столыпин начал осуществлять программу аграрного переустройства, став мишенью разнузданного поношения со всех сторон правых, левых, монархистов, либералов, радикалов. Только опора на волю монарха позволяла премьеру выстоять и осуществлять намеченные меры.

Очевидна роль Николая II и при учреждении Государственной Думы. Под напором драматических событий 1905 года возникла необходимость изыскать приемлемую форму созыва народного представительства. Император первоначально поддерживал идею о законосовещательном органе при верховной власти. Осенью, по мере усиления смуты, этот проект претерпел существенные изменения. Была принята концепция законодательного собрания, что и нашло отражение в царском Манифесте 17 октября. Это не отвечало личным воззрениям монарха, но он, во имя умиротворения страны, принял то, что многим казалось необходимым.

Прошло полгода и собрался первый российский парламент. Возникновение этого учреждения, деятельность которого была вне юрисдикции царя, меняло вековой уклад политической жизни России. Народился новый центр власти, что Николай II решительно не одобрял и

чему противился до последней возможности. Но вот все свершилось. И что же император?

В дневнике Николая II за 27 апреля 1906 года читаем: "Знаменательный день приема Гос. Совета и Госуд. Думы и начала официального существования последней. Мама приехала в 8 час. из Гатчины и отправилась с нами морем в Петербург (из Петергофа.- А.Б.). Погода была летняя и штиль. На "Петергофе" пошли к крепости и оттуда на нем к Зимнему. Завтракали в 11 1/2. В часи 3/4 начался выход в Георгиевскую залу. После молебна я прочел приветственное слово. Государственный совет справа, а Дума - слева от престола. Вернулись тем же порядком в Малахитовую. В 3 часа сели на паровой катер и перейдя на "Александрю", пошли обратно. Приехали домой в 4 1/2. Занимался долго, но с облегченным сердцем, после благополучного окончания бывшего торжества. Вечером покатались".

В подобных записях, относящихся к каким-то переломным моментам царствования, поражает незлобивость царя и удивительное смирение, являющиеся уделом лишь истинно верующих людей.

Несмотря на то, что Первая и Вторая Государственные думы больше походили на антиправительственный митинг, чем на работу важного законодательного органа и их пришлось распустить, Николай II никогда не проявлял желания раз и навсегда покончить с выборным представительством, к чему его много раз призывали записные блюстители чистоты самодержавия из рядов "профессиональных монархистов". В 1907 году были изменены избирательные правила, в результате чего в Третьей думе преобладали состоятельные и, естественно, более ответственные элементы общества, не склонные все кругом крушить и переиначивать.

6 января 1908 года в Большом Царскосельском дворце император принял 300 депутатов (группы правых и центра) и обратился к ним с речью, в которой изложил программу первоочередных задач и свое видение исторической судьбы России.

Среди прочего он сказал: "Помните, что Вы созданы Мною для разработки нужных России законов и содействия Мне в деле укрепления у нас порядка и правды. Из всех законопроектов, внесенных по Моим указаниям в Думу, Я считаю наиболее важным законопроект об улучшении земельного устройства крестьян и напоминаю о Своих неоднократных указаниях, что нарушение чьих-либо прав собственности никогда не получит моего одобрения; права собственности должны быть священны и обеспечены законом.

Я знаю с какими мыслями и чувствами явились Вы ко Мне. Россия росла и крепла в течение тысячи лет горячей верой русских людей в Бога, преданностью своим царям и беспредельной любовью к своей Родине. Пока это чувство живо в сердце каждого русского человека, Россия будет счастлива, благоденствовать и укрепляться. Молю Бога, вместе с Вами, чтобы эти чувства постоянно жили в сердце русских людей и чтобы солнце счастья засияло над нашей могучей, родной землей".

В повседневной жизни, в своих привычках и наклонностях царь был простым и бесхитростным. Неприхотливость в одежде и еде его всегда отличали, как и почти полное безразличие к роскоши и комфорту.

Старался жить всегда по определенному распорядку: ложился спать и вставал в одно и то же время и практически ежедневно совершал продолжительные пешие прогулки, преодолевая многокилометровые расстояния. В молодости любил плавать на байдарке, затем увлекся теннисом и бильярдом.

Последние годы с удовольствием коротал свободное время за игрой в карты или домино. Всю жизнь любил охоту, которую считал настоящим мужским занятием, "освежающим душу". Выезжал на охоту часто и всегда с большой радостью. Хотя он курил и мог выпить рюмку, другую водки, но до конца своих дней отличался физической крепостью и лишь один раз серьезно болел: брюшным тифом в 1900 году.

Среди разнообразных обязанностей и занятий, особую тягу и любовь Николай Александрович питал к военному делу. Смотры, парады, ученья

никогда его не утомляли, и он мужественно и безропотно переносил случившиеся неудобства армейских буден на лагерных сборах или маневрах. Последний император был, что называется, прирожденным офицером; традиция офицерской среды и воинские уставы он неукоснительно соблюдал, чего требовал от других. Любой командир, запятнавший недостойным поведением мундир офицера, для него переставал существовать. По отношению к солдатам чувствовал себя покровителем-наставником и не чурался общаться с ними, а в пасхальные дни обязательно христосовался со служащими конвоя.

По старой имперской традиции Николай Александрович был шефом основных частей гвардии, и это звание унаследовал от своего отца. В семилетнем возрасте, в 1875 году, он был зачислен в лейб-гвардейский Эриванский полк и в том же году произведен в прапорщики, а через пять лет получил поручика. В день совершеннолетия, 6 мая 1884 года, как сказано в послужном списке, "произнес клятвенное обещание в лице наследника всероссийского престола в большой церкви императорского Зимнего дворца и при торжественном собрании, бывшем в Георгиевском зале, принял воинскую присягу под штандартом лейб-гвардии Атаманского имени его императорского величества полка, по случаю вступления в действительную службу".

В 1887 году последовало производство в штабс-капитаны, в 1891 году - в капитаны и, наконец, 6 августа 1892 года он получил звание полковника. На этом офицерское производство закончилось, и в чине полковника он оставался до конца, даже тогда, когда вынужден был отречься от престола.

Он имел множество наград и воинских званий чуть ли не всех государств Европы, а в годы первой мировой войны удостоился высшего воинского звания Великобритании. "Вообрази,- писал он с чувством удивленного восхищения жене в декабре 1915 года, - Джорджи (король Англии Георг V, двоюродный брат Николая.- А.Б.) произвел меня в фельдмаршалы британской армии".

О том, какие радостные чувства вызывала у Николая Александровича воинская служба, свидетельствует множество документов. Прочитируем его письмо своему другу юности и confidentу, великому князю Александру Михайловичу ("Сандро"). Оно относится к 1887 году, ко времени вступления в лейб-гвардии Преображенский полк - самое известное и наиболее престижное подразделение императорской гвардии: "Это лето буду служить в Преображенском полку под командою дяди Сергея, который теперь получил его. Ты себе не можешь представить мою радость: я уже давно мечтал об этом и однажды зимой объявил папа и он мне позволил служить. Разумеется, я буду все время жить в лагере и иногда приезжать в Петергоф; я буду командовать полуротой и справлять все обязанности субалтерн-офицера. Ура!!!".

О службе наследника в Преображенском полку сохранилось свидетельство полкового командира (с 1891 года), двоюродного дяди Николая II, великого князя Константина Константиновича, записавшего в своем дневнике 6 января 1894 года: "Ники держит себя в полку с удивительной ровностью; ни один офицер не может похвастаться, что был приближен к цесаревичу более другого. Ники со всеми одинаково учтив, любезен и приветлив; сдержанность, которая у него в нраве, выручает его".

Юношей Николай Александрович много и напряженно занимался; почти ежедневно были или занятия или самоподготовка по различным предметам: математике, физике, химии, географии, русской словесности, иностранным языкам, астрономии, русской и иностранной истории, политической экономии, фортификации, черчению. Это был усердный ученик, что отмечалось всеми учителями, и хотя "звезд с неба не хватал", но имел неплохие знания по всем предметам.

Прекрасно владел немецким, французским и английским языками (датский знал хуже), писал очень грамотно по-русски. Кроме того, в молодости неплохо играл на фортепиано, рисовал, обучался игре на скрипке. Усидчивость и аккуратность - эти важные черты характера, сформировались под неусыпным вниманием "дорогих папа и мама".

Николай Александрович вырос в атмосфере роскошного императорского двора, но в строгой, и можно сказать, почти спартанской обстановке. Отец и мать принципиально не допускали никаких слабостей и сантиментов в деле воспитания детей. Для них всегда устанавливался жесткий распорядок дня, с обязательными ежедневными уроками, посещениями церковных служб, непременно визитами к родственникам, обязательным участием в многочисленных официальных церемониях. Дети воспитывались в духе уважения старших и беспрекословного послушания. Патриархальный нрав родителей унаследовала и семья последнего царя, где любые экстравагантные выходки, пустые траты средств и праздное времяпрепровождение всегда осуждались.

Приведем выдержку из письма пятнадцатилетнего цесаревича великому князю Александру Михайловичу, посланного из Дании, где он с родителями почти каждое лето гостил у своих деда и бабки (первый раз его вывезли туда в двухлетнем возрасте): "Вот описание дня, который мы проводим здесь, - писал наследник русского престола,- встаем позже чем в Петергофе, в четверть восьмого; в восемь пьем кофе у себя; затем берем первый урок; в половине десятого идем в комнату тети Аликс и все семейство кушает утренний завтрак; от 10 до 11 наш второй урок; иногда от 11 - половины двенадцатого имеем урок датского языка; третий урок от половины двенадцатого до половины первого; в час все завтракают; в три - гуляют, ездят в коляске, а мы пятеро, три английских, одна греческая двоюродные сестры и я, катаемся на маленьком пони; в шесть обедаем в большой средней зале, после обеда начинается возня, в половине десятого мы в постели. Вот и весь день".

К числу чувствительных и слезливых натур Николай Александрович не относился, и открытое проявление обычных человеческих слабостей ему не было присуще с детства. Скажем, на людях он всего несколько раз плакал, причем почти все эти случаи связаны со смертью "дорогого папа", которая его просто потрясла. "Боже мой, Боже мой, что за день! - с горечью восклицает он на страницах дневника. - Господь отозвал к себе нашего

обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет... Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!". Уже, будучи императором, Николай Александрович писал матери в октябре 1895 года, "вчера на прогулке вместе с дядей Сергеем мы только и разговаривали о Ливадии и вспоминали все наши надежды и отчаяния с мельчайшими подробностями, я не мог удержаться от слез, сразу начавших душить меня!". Двадцатое октября навсегда осталось в памяти Николая II черным днем.

Его отношение к родителям - пример искренней сыновьей любви. Всегда он сохранял светлую память об отце и нежное отношение к матери. В его жизни было несколько адресов постоянной любви: Россия, жена, дети, но и, конечно же, на все времена - мать. "Моя дорогая душка - Мама" и "навек любящий тебя твой Ники" - эти первые и последние строки его многочисленных писем матери, не были лишь традиционными лексическими оборотами. К ней он всегда относился, как к близкому человеку, как к надежному советчику, с которым у него было полное взаимопонимание. Правда, со временем появилась тема, которая была изъята из обсуждения - Распутин, но это пришло уже в конце.

Царствующая, а после смерти мужа "вдовствующая императрица" Мария Федоровна (1847-1928) была сильной личностью, женщиной властной, наделенной природным обаянием, которая пользовалась авторитетом и уважением среди большинства представителей Дома Романовых. Помимо характера ее отличали и темперамент, и за глаза некоторые родственники называли ее "Гневной". Всех своих детей она ценила и любила, и те платили ей взаимностью.

Эта женщина-мать испытала все горести, которые только можно вообразить: мужа и двоих сыновей, Александра и Георгия, похоронила в России, а двоих, Николая и Михаила, как и пятерых внуков оплакивала почти десять лет в изгнании. Ее жизнь, наполненная удивительными превращениями, радостями и потрясениями, достойна отдельного описания.

Николай Александрович родился 6 мая 1868 года. Событие произошло в Александровском дворце Царского села. До нас дошло его описание, которое оставил радостный отец в своем дневнике.

"Минни разбудила меня в начале 5-го часа, говоря, что у нее начинаются сильные боли и не дают ей спать, однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась до 8 час. утра. Наконец, мы встали и отправились одеваться. Одевшись и выпив кофе пошел скорее к моей душке, которая уже не могла окончить свой туалет, потому что боли делались чаще и чаще и сильнее. ...Я скорее написал Мама записку об этом и Мама с Папа приехали около 10 часов и Мама осталась, а Папа уехал домой. Минни уже начала страдать порядочно сильно и даже кричала по временам. Около 12 1/2 жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее и Минни очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец, в 1/2 3 часа пришла последняя минута и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была - это нельзя себе представить. Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал как дитя и так легко было на душе и приятно".

В семье Александра III родилось еще пятеро детей: Александр (1869-1870), Георгий (1871-1899), Ксения (1875-1960), Михаил (1878-1918) и Ольга (1882-1960). Трудно сказать, кого Мария Федоровна особенно любила. Несколько лет неотступно находилась при больном Георгии (после воцарения Николая Александровича - наследник престола), умиравшим мучительной смертью от чахотки. Жалела и сочувствовала младшему, Михаилу, который вел рассеянный образ жизни, ничем серьезно не занимался, мало думал о престиже династии, хотя и был пять лет (с 1899 по 1904 годы) цесаревичем. В 1912 году он "ранил сердце матери", женившись на женщине "низкого происхождения и весьма сомнительной репутации". Позднее Марии Федоровне пришлось, преодолевая себя, признать этот мезальянс и даже принимать нежеланную невестку, дважды

разведенную и новоиспеченную "графиню Брасову" (урожденная Шереметьевская Наталья Сергеевна; по первому браку Мамонтова, по второму - Вульферт).

К своему старшему сыну вдовствующая императрица относилась всегда с ровной симпатией, которая с годами, под влиянием происходивших событий, стала даже усиливаться. До нас дошло много посланий Николая II к матери, в которых он подробно рассказывал ей о событиях своей жизни, просил совета. По долгу правителя и по обязанностям родственника последний Романов постоянно и много писал писем. Однако, в отличие от всех прочих, за исключением корреспонденции к жене, письма к матери - это особая статья. Они самые пространные, в них он естественен, прост и откровенен.

На время правления Николая II пришла неудачная русско-японская война 1904-1905 годов, на которую он с такой легкостью согласился под влиянием, как оказалось, непорядочных и неумных советников. Испытанием стали и революционные потрясения 1905-1907 годов, когда тихая и мирная держава превратилась в кипящий котел недовольства и вражды, и эта страшная и сокрушительная сила чуть было не смела и трон и порфиноносного его хозяина.